

Игорь Михайлов

В РАЮ

Не раз я вторгался в здешнее безмолвие, нарушаемое почти молитвенным речитативом гида. И всякий раз, как будто в райских кущах оказывался.

Солнечные, охристые, бархатистые, лучащиеся на золотых нитях солнца, протянутых из маленьких окон, с верхов шатровой колокольни, блики, пятна света, не яркого, а будто ласкающего.

Музей церкви Ильи Пророка всегда открыт только летом. Зимой сюда не попасть.

Рай заморожен, законсервирован на зиму.

Жалко, иначе бы и ощущение было иное. Весьма возможно, что сцены болезни и успения воспринимались по-другому.

Впрочем, я видел фрески Гурия Никитина и в Тутаеве зимой в Крестовоздвиженской церкви.

Они греют и зимой.

Говорят, Гурий в качестве образца пользовался Библией Пискатора XVII века. В этой Библии множество евангельских сюжетов голландских и фламандских художников.

Я этого не знал, но разве знание умаляет прелесть фресок Ильи Пророка?

Скорее всего, незнание растворяет тебя во всём этом свете, цвете, золотом свечении. И хорошо, потому что не знаешь.

Хорошо и просто бродить по полутёмным сводам, разглядывая дальше прошлое, проживая, процеживаясь сквозь сито полутеней, запутываясь в этом всём, как рыба в сетях, словно проговаривая сюжет. Но отвлечённо, не взаправду, как будто роман Диккенса читаю.

Да, не всё, что здесь изображено, так уж и благолепно. Но ведь искусство как будто бы врачует.

Вот у выхода в приделе геенна огненная. Но зритель и здесь, возле геенны, тает и млеет.

Видимо, старина обладает такой способностью умирать душу, как будто на тебя смирительную рубашку надели. И в геенне, в конце-то концов, не ты, а твой пращур.

И меня это никогда не удивляло.

И я такой же, я в большей степени обыватель здесь, чем даже в магазине. Вот я начинаю сравнивать, вымерять глазомером пространство, выбирать цвета, будто торговаться со святым писанием.

Литератор-зануда в первую очередь, во вторую – зритель. А если всё это слить воедино, то получится потребитель культурных ценностей, который пришёл к Илье Пророку получить культурную или религиозную услугу.

А раз так, то у меня возникает как бы претензия к качеству святости.

Вот взять пророка Елисея. Пожалуй, самый любопытный из пророков. И самый необычно редко встречающийся. Высокий, статный, лысоватый.

Елисей – ученик Илии.

Елисей перед самой его кончиной попросил учителя, чтобы он наделил его чудесным свойством исцелять людей во славу Божью.

Илия наделил Елисея этим даром.

И как Елисей распорядился им?

В первую очередь поехал в Вефил, об этом упоминается в его Житии:

После сего из Иерихона Елисей отправился в город Вефил, жители которого – израильтяне, отступив от Бога, поклонялись идолам. Когда он приближался к городу, то маленькие дети, игравшие здесь на дороге, встретив его и видя его плешивую голову, начали смеяться над ним и кричать: «Ступай, плешивый! Ступай, плешивый!»

Что сделал Елисей?

Он умертвил 42 ребёнка, которые насмеялись над ним, обзывая его плешивым.

И этому поступку Житие находит оправдание:

Этой казнью пророк Божий по праведному суду наказал тех детей за поругание и пресек им жизнь, дабы, придя в мужественный возраст, они не явились более злыми людьми...

Был ли Елисей злым человеком? Наверное, был по нашим понятиям.

Ведь вот я не нахожу его поступку оправдание. Но это дело давнее. Нам, конечно, хочется вмешаться в те стародавние времена с нашими понятиями о толерантности и справедливости. Судить, рядить.

А надо ли?

Мы вот вечно ищем спасения в прошлом, книгах, житиях и Евангелии, наверное, не задумываясь над тем, что миф – это и есть реальность, как отголосок нашей теперешней жизни.

Миф – это личность, поступок. И не всегда он такой, какой мы ожидаем от человека, пророка, апостола или Учителя.

Елисей умертвил детей, как царь Ирод в дни Рождества Христова, чтобы обезопасить себя от соперничества.

Целитель не нашел иного орудия борьбы с насмешниками. А если бы среди этих сорока двух был маленький Христос?

Мы, наверное, должны это если и не понять и не принять, то пережить, как в античном театре, в трагедии? Ведь фрески – это произведение искусства.

Но я иду мимо фрески, где вдова догоняет Елисея с просьбой воскресить её сына. К седлу приторочен довольно увесистый кожаный кошелёк с деньгами. Елисей воскресит сына вдовы, но не бесплатно. А потом устало вытрет руки льняным полотенцем и выглянет в окно.

Наверное, ему будет видение: будто ходят в доме Божьем люди, странные люди в портках и майках, разодетые, как клоуны. Лица у них, как у блаженных. И ничего они не понимают. А ходят, как будто обухом оглушённые.

– Они такие же, как ты, Елисей! – шепчу я ему.

Они не лучше и не хуже. Такие же. И ты такой же, и слава Богу, мы на равных с тобой.

Просто, знаешь, отче Елисей, Гурий – хороший богомаз. А хороший богомаз одухотворяет всякую тварь, выдумывает не неприглядную правду, а красивый, благолепный, благоуханный миф.

И правильно делает. Ибо рай должен быть, хотя бы в храме.

А картина, в которую угодим мы, ещё не стала мифом, прошлым. И станет ли – неведомо. Она не в рамке, не в формате. Мы ещё не стали прошлым, мы не святы. Потому что живы.

А после смерти сочтёмся!

Так, наверное, надо бы обо всём этом подумать.

Солнечные лучи, будто стропы парашюта, опутывают меня с головы до ног.

И я взбираюсь по солнечному лучу всё время куда-то вверх, как по канату.

Тепло и нега обволакивают меня.

И я не хочу знать, что там, за всем этим благолепием, успехом и воскресением, жатва, и кровь, и пыль.

Что пройдёт, то будет мило...

Но не проходит, ведь я никуда не тороплюсь!

Брожу один в этой звонкой тишине недосыгаемой вселенной!

Я никуда не тороплюсь.

В геенну огненную я всегда успею...